

О. Марчак

**ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ДЕМОКРАТИЗАЦИИ
СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В ПЕРИОД ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ**

Имеющиеся в научной литературе типологии переходов от авторитарного строя к демократии и критерии укрепления нового режима имеют высокую эвристическую значимость для понимания сложных процессов системного перелома в странах Центральной и Восточной Европы. Более того, сравнительно-политологические исследования Ф. Шмиттера, А. Лейпхарта, Й. Эстера, А. Пшеворского стали руководством к действию для политиков и законодателей данных стран с самого начала перелома. С этим и связано изначальное сходство политической тактики реформаторов в Польше, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, а также ощущение воплощения в жизнь единой заданной модели.

Цель данной статьи – анализ процесса политической трансформации в странах Центральной и Восточной Европы. Для этого автор статьи ставит перед собой следующие исследовательские задачи: проанализировать особенности посткоммунистической трансформации, специфику процессов в странах восточноевропейского региона, а также рассмотреть проблему соотношения западных демократических образцов с политическими режимами незападных стран.

Трансформация – сложный, неоднозначный и многомерный процесс. Это подтверждают результаты современных западных исследований. Так, по мнению немецкого ученого Р. Райсига, трансформацию следует рассматривать как обусловленную множеством факторов, процессуальную, открытую самоорганизующуюся эволюцию, в ходе которой развиваются своеобразные и новые элементы. Ее течение в этой перспективе является не запрограммированным, а конфликтным, амбивалентным и по своим специфическим результатам неопределенным процессом изменений [См.: 1].

Известно, что в странах Центральной и Восточной Европы с 1989 г. начался переговорный процесс между реформаторами от компартий, с одной стороны, и представителями оппозиционных демократических движений и протопартий – с другой. Трудные длительные переговоры, названные “круглыми столами”, заканчивались заключением соглашения о разделе власти между двумя сторонами и о модели перехода к плюралистической системе власти. За два последующих года в этих государствах удалось осуществить принятые договоренности и зало-

жить базис новых режимов путем проведения свободных выборов, принятия конституций, создания основных институтов парламентской демократии. Первоначальные переломные преобразования были реализованы в рекордно быстрые сроки. Секрет успеха того времени заключался в том, что реформаторы и законодатели располагали продуманной моделью политических реформ, знанием ряда важных политических технологий и “ноу хау”, пониманием опыта подобных переходных процессов в Южной Европе и других регионах мира. Например, в типологии Ф. Шмиттера начальные преобразования в Центральной и Восточной Европе следует отнести к разряду “договорных переходов”. Исключение составляет только Румыния, где состоялся слом прежней системы “снизу”, под давлением масс, однако отнюдь не Чехословакия, как считает Ф. Шмиттер. В этой стране не столько низы, сколько компартия в переговорах с Гражданским форумом предприняла решительные шаги по трансформации строя. Несмотря на то, что эти меры были чуть запоздалыми, они все-таки свидетельствовали о самостоятельном принятии компартией решения о разделе власти. Не случайно и то, что она не воспользовалась своим значительным влиянием в армейских кругах, в профсоюзах и на крупных предприятиях для противостояния переломному процессу, а, наоборот, с декабря 1989 года включилась в него в качестве участника.

В дальнейшем, после двух фактически учредительных для новых режимов лет, политическая практика в указанных странах приобретает не только специфические черты, но и общие признаки стабилизации новых институтов и отношений прослеживаются достаточно определенно. Например, свободные выборы проводятся регулярно, крупнейшие партии чередуются у правительственного руля, партийные системы стабилизируются по количеству партий и их “качеству”, демократические принципы функционирования власти принимаются всеми политическими субъектами.

Дж. Эванс и С. Уайтфилд считают, что политическую конкуренцию в посткоммунистических странах определяют три фактора: экономическое развитие, степень этнической гомогенности и исторический статус государства. Исследователи различают три группы стран: 1) экономически продвинутые, этнически гомогенные страны, исторически имеющие государственность (Чехия, Венгрия, Польша); 2) экономически продвинутые, этнически гетерогенные государства, получившие государственность сравнительно недавно (Эстония, Латвия); 3) страны, обладающие крайне малыми шансами на успешное проведение рыночных реформ, несмотря на степень этнической гомо-

генности и историю государственности (Болгария, Белоруссия, Румыния, Россия и Украина).

Интерес к трансформации политической системы Венгрии вызван тем, что здесь этот процесс существенно отличался от подобных процессов, происходивших в других странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), и, в первую очередь, благодаря благоприятной почве, подготовленной в ходе реформ в рамках прежней венгерской системы.

Социалистический режим в Венгрии еще до начала системной трансформации отличался от режимов других стран ЦВЕ тем, что он был наиболее демократическим, склонным на первом этапе к экономическим, а в конце 80-х годов и к политическим реформам.

Обычно в экономической литературе венгерский опыт последнего десятилетия трактуется как пример градуалистской, постепенной трансформации в области экономики в отличие от некоторых других стран региона, где подобный процесс протекал с использованием радикальных мер, получивших название шоковых. Однако надо иметь в виду, что постепенность трансформации в Венгрии в 90-е годы стала возможна лишь потому, что, начиная с 1968 г. эта страна прошла длительный путь довольно радикального для своего времени реформирования, в результате которого административно-командная система управления экономикой была заменена системой экономического регулирования, то есть управления посредством экономических рычагов, или, как их называли в Венгрии, экономических регуляторов: цен, прибыли, заработной платы, отчислений в госбюджет и т. д. Реформа 1968 года вынужденно носила ограниченный характер и, прежде всего, из-за враждебного отношения к ней со стороны соседних государств, особенно Советского Союза. Кроме того, в Венгрии тогда не все понимали, а если и понимали, то вслух не говорили о том, что последовательная экономическая реформа не может быть осуществлена без определенных политических преобразований. Тем не менее, венгерская реформа имела историческое значение, так как продемонстрировала всему миру и, прежде всего, соседним странам, что экономикой можно успешно управлять и экономическими методами. Эта реформа создала благоприятную почву для последующего постепенного перехода к рыночной трансформации.

Однако сложности трансформационного периода, экономического развития, снижение жизненных стандартов, рост неравенства в благосостоянии, доходах порождали размежевания социально-экономического характера между проигравшими и выигравшими в ходе демократического транзита. Политическая элита старалась не замечать новых линий размежеваний, преувеличивая значимость одних (тради-

ционализм/ западничество) и намеренно снижая значимость других (социальноэкономических). Партии мобилизовали электорат посредством апелляции к ценностным ориентациям, а не политическим установкам, что придавало политике характер “эстетизации”, – подобное явление наблюдалось и в странах Западной Европы [См.: 2].

Чехия отличается от других посткоммунистических стран по ряду причин.

Во-первых, падение коммунистического режима здесь не сопровождалось политической (Польша) или экономической (Венгрия) эррозией, что способствовало проведению последовательных коренных политических и экономических преобразований. Жесткость коммунистического режима в Чехии обусловило преобладание негативных оценок коммунистического прошлого по сравнению со странами, где до 1989 г. происходило постепенное ослабление режима (Польша, Венгрия). Чехия представляла пример авторитарно-бюрократического коммунизма, характеризуемого монопольной бюрократической машиной, управляемой технократией и дисциплинированной коммунистической партией. Затем быстрая маргинализация этой партии освободила путь новым либерально-демократическим и социально-демократическим партиям, которые выступали с различными программами реформ и способствовали разделению электората прежде всего по экономическим вопросам, тем самым минимизировав межпартийные конфликты по таким вопросам, как оценка коммунистического прошлого. Таким образом, кристаллизация размежевания между правым и левым электоратом в Чехии имеет явно не социалистическую (в отличие от Венгрии и Польши, где она была тесно связана с партиями-преемницами коммунистических), а социально-экономическую основу.

Во-вторых, Чехия является одной из стран, где наиболее сильно проявляются эгалитарные ориентации населения, которые уходят корнями во времена, предшествующие коммунистическому режиму: увеличение экономического неравенства, разрыва между уровнями доходов и благосостояния привели к усилению этих настроений в обществе. Например, П. Матею видит идеологические корни эгалитаризма в протестантском движении Богемии и изначальной эгалитарной направленности реформ, тогда как Гавелка объясняет данное явление “незавершенностью” социальной структуры чешского общества, связанной с исчезновением джентри в конце XV – начале XVI вв., когда во главе чешской короны встали Габсбурги.

Вместе с тем в Чехии прослеживаются размежевания, типичные для остальных посткоммунистических стран: 1) в географическом пла-

не между сельскими, городскими областями, а также столицей (как чехи, так и мораване не довольны центральным положением Праги); 2) между выигравшими и проигравшими в ходе трансформации (в ценностном аспекте размежевание между космополитическими и партикуляристскими ориентациями); 3) поколенческие размежевания; 4) этнические размежевания между чехами и мораванами, воспринимающими себя отдельным народом. Несмотря на наличие этих противоречий, наиболее значимым все же является “раскол” между “экономическим популизмом и рыночной либерализацией”.

Что касается Польши, то здесь исследователи отмечают размежевание социально-экономического характера между сторонниками нелиберального свободного рынка или невмешательства государства в экономику (выигравшими) и политического курса, направленного на развитие государства всеобщего благосостояния (проигравшими). В типологии Липсета и Роккана это размежевание представлено расколом между трудом и капиталом, городом и селом и центром и периферией; размежевание идеологического и аксиологического характера – между универсалистским и партикуляристским видением социального и политического порядка. Совмещение этих двух линий позволяет идентифицировать четыре основных политических пространства в политической жизни Польши:

1. Сочетание сильной поддержки секуляризма и рыночной экономики составляют либерально-демократическое пространство. В 1990-е годы наиболее активно на данном поле в разное время выступали Демократический союз, Либерально-демократический конгресс, Союз свободы, образовавшиеся из “Солидарности”.

2. Сочетание прорыночных ориентаций и религиозности с акцентом на христианские ценности и экономический национализм образует консервативное поле. Данное пространство довольно фрагментировано. Только в период 1996-2000 гг. Избирательным действием “Солидарности” была предпринята попытка объединить различные движения и позиции.

3. Поддержка вмешательства государства в экономику в сочетании с религиозностью составляет популистское пространство, представленное Крестьянской партией Польши.

4. Вмешательство государства и секуляризм оформляют социалистическое поле, на котором доминирует Союз левых демократов, а также Трудовой союз.

Модель Липсета и Роккана представляется крайне плодотворной в польском контексте. Она позволяет учитывать различные линии размежеваний и специфику их наложения друг на друга [3].

Что касается остальных стран региона, то здесь сотрудничество между правыми и левыми проявляется только на низовом уровне, хотя и намечается линия на его расширение в верхах в тех случаях, когда партии политически и программно начинают тяготеть к центру, а интересы правящего класса и элит не доминируют над общенациональными целями. Но это пока скорее исключение, нежели правило.

Некоторые исследователи, в частности Ф. Шмиттер, высказывают идею о “качестве” демократии. Она на самом деле имеет ключевое значение для стран центрально-восточноевропейского региона. При всех признаках успеха новых политических систем последние остаются пока в значительной степени “имитационными”, формальными демократиями. В то же время, даже в таком виде демократическое устройство признается большим благом, поскольку его правила игры и политический инструментарий в будущем обязательно повлияют на реальные отношения, психологию и навыки управления.

Можно сделать вывод, что различия в политических контекстах в странах Центральной и Восточной Европы затрудняют применение некоей общей матрицы.

Динамика общественных настроений в трансформирующихся странах определяется, в первую очередь, внутренними процессами. Тем не менее, растущий вклад в нее вносят и глобализационные импульсы. Они во все большей степени детерминируют экономическое и политическое развитие соответствующих обществ, “экспортируя”, тем самым, все противоречия и проблемы внешнего мира.

К числу общих для этих стран черт относятся все еще не полностью преодоленный экономический кризис, засилье бюрократических структур, повсеместная коррупция, ненормально высокий уровень социальной дифференциации и массовая бедность. Это, в свою очередь, обуславливает высокие темпы накопления общественного протеста. Наиболее заметные его проявления – растущая ностальгия по прошлым патерналистским порядкам и всплеск религиозного фундаментализма.

Характер общественных отношений в данных странах во многом зависит от степени болезненности преобразований. В тех случаях, когда они осуществляются осторожно, с учетом интересов большинства населения, его реакция, даже будучи протестной, не выходит за умеренные, установленные законом рамки.

Если в странах Восточной Европы в результате институциональной трансформации постепенно складываются парламентско-президентские республики типа финляндской или португальской [4], то на постсоветском пространстве (за исключением Прибалтики) возникли

временные авторитарные гибриды, сочетающие элементы автократических президентских систем с советской бюрократической номенклатурной практикой. Помимо почти “самодержавной” президентской власти, отличительными чертами подобных режимов являются пренебрежение интересами и мнением населения, свертывание демократических процессов и процедур, вытеснение публичной политики теневой.

С течением времени становится очевидным, что направление движения большинства бывших республик СССР (России, Белоруссии, среднеазиатских и закавказских государств) существенно отличается от восточноевропейского. Это несовпадение подтвердил факт участия России в украинском кризисе 2004 г., когда активная часть украинского общества была поставлена перед выбором одного из двух путей развития.

Итак, сравнительный анализ экономических и политических реформ в посткоммунистических странах ЦВЕ позволяет раскрыть не только их общие черты и страновые особенности, но и определить перспективные направления развития этих государств, их место в мировой экономике и политике, потенциальные возможности и перспективы перехода к демократии. Вопрос оценки результатов трансформационных реформ во всех посткоммунистических странах, а не только в Украине является остро дискуссионным. Разброс мнений огромен: от признания детерминированности результатов и объявления всего случившегося закономерным до крайне критических.

Сравнивая политические процессы, происходящие в Восточной Европе постсоветских странах, можно прийти к выводу и о расхождении в понимании демократии. Представление о ее сути, утвердившееся в бывшем СССР, прекрасно иллюстрирует высказывание середины 90-х годов XX ст., ставшее уже афоризмом: “Демократия заканчивается, когда опускаешь бюллетень в урну”. Подобный примитивный взгляд на демократию как на ритуальное проведение выборов вряд ли удовлетворит восточно-европейские народы. Принципиальным для демократической системы является не то, что выборы формально проходят, и даже не электоральные правила, но то, как управляет избранная власть. Демократия, как пишет известный политолог В. Сергеев, это постоянный процесс согласования и переговоров, позволяющий учитывать интересы различных общественных групп и структур, исключая диктатуру как большинства, так и меньшинства [См. 5].

Таким образом, мнение о том, что, если есть выборы и правит большинство, то это демократия, является упрощенным. На самом деле все

не так просто, и события, происходившие в Украине в 2004-2006 гг., тому подтверждение.

Анализ политической трансформации в странах Центрально-Восточной Европы показывает, что эти страны, так же как и Украина, столкнулись на пути реформ со значительными трудностями, но в целом прошли их более успешно. И это при том, что большинство стран ЦВЕ на момент начала трансформации имели неадекватную либо недостаточно развитую правовую, финансовую и коммерческую инфраструктуру, немногочисленный класс предпринимателей. По признанию западных экспертов, лишь Венгрия с ее более чем 20-летними предтрансформационными реформами к началу 90-х годов приблизилась к минимально необходимому уровню развития рыночной инфраструктуры.

Особую специфику трансформационным реформам в странах ЦВЕ придавала активная подготовка этих государств к вступлению в Европейский Союз, которое для восьми из них состоялось 1 мая 2004 г. Выдвинутые перед странами ЦВЕ Евросоюзом критерии членства совпали с основными направлениями трансформирования экономики и политических систем этих стран, а график продолжительных переговоров и финансовая поддержка ЕС динамизировали эти процессы. Однако и в ЦВЕ признается, что цена трансформационных реформ оказалась более высокой, чем планировалось на старте.

Результаты преобразований в странах СНГ и ЦВЕ в сфере становления институтов демократической системы, изменений в структуре общества являются дискуссионными. Очевидно, что страны ЦВЕ добились больших успехов на пути становления демократии и гражданского общества, формирования правового государства, чем Украина. Сказались иные исторические традиции и менталитет общества, более подготовленный уровень национальных элит, ощутимо обновленных в период реформ, более развитой гражданственный настрой населения, а также национальный консенсус относительно ориентации на европейские стандарты общественной жизни, открытость иностранному капиталу и т. д.

Трансформации стран посткоммунистического пространства происходят не в “безвоздушном” пространстве, а в условиях глубочайших, подчас весьма драматических геополитических сдвигов. И эти потрясения, существенным образом влияют на трансформации. Без преувеличения можно сказать, что многие геополитические процессы (распад Советского Союза, кризис международной и европейской системы безопасности, новые рецидивы “холодной войны” и пр.) предо-

пределяли и определяют во многом сегодня направления и качество реформ в посткоммунистических странах.

Література

1. Райсиг Р. Исследования трансформации: достижения, насущные проблемы и перспективы. Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: В 2 т. – Т. 2. – СПб.; М., 2003. – 345 с.
2. Markus G. Party politics, party system and the dynamics of political cleavages in Hungary. Final Report to NATIP on the Research Project. – Budapest, 1998. – 367 p.
3. Mateju P. Turning left or class realignment? Analysis of changing relationship between class and party in the Czech Republic // East European politics and societies. – Berkeley, 1997. – Vol. 11. – № 3. – P. 23-47.
4. Кынев А. Институт президентства в странах Центральной и Восточной Европы как индикатор процесса политической трансформации // Политические исследования. – 2002. – № 2. – С. 126-138.
5. Сергеев В.М. Демократия как переговорный процесс. – М., 1999. – 156 с.